

Яницкий Олег Николаевич – доктор философских наук, профессор, зав. сектором социально-экологических исследований Института социологии РАН, yanitsky@isras.ru, тел. 8-499-128-86-76.
Yanitsky Oleg Nikolaevich.

Хромающая экосоциология

Аннотация: В статье рассматриваются причины отставания российской социологии от общей тенденции экологизации мирового социологического знания, с акцентом на проблемах междисциплинарного взаимодействия, создания публичной площадки для общественного диалога, способов продвижения социально-экологических знаний в практику. Статья заканчивается перечнем неотложных мер в данной области социологического знания.

Abstract: Russian sociology is lag behind from the trend of ecologization of sociological knowledge in the world. In this relation the author calls it a 'limping sociology'. We are urgently needed in sociological thinking and public space for interdisciplinary dialogue. The article analyzes the reasons of this lag, and offers a set of indispensable measures to overcome it.

Ключевые слова: экологизация, междисциплинарное взаимодействие, модернизация, социология, Россия.

Key words: ecologization, interdisciplinary thinking, modernization, sociology, Russia.

Почему мы отстаём?

На Форуме Международной социологической ассоциации в Барселоне (2008) дискуссия по социально-экологическим проблемам в Исследовательском комитете «Среда и общество» была одной из самых длинных – 26 заседаний! То же самое произошло и на Всемирном социологическом конгрессе, который вообще получил название «анти-карбонного», о чём я подробно писал в своей статье «Пределы», посвящённой итогам состоявшегося в июле 17-го конгресса Международной социологической ассоциации (Гётеборг Швеция, 2010) (См. статью Яницкого «К итогам 17-го международного социологического конгресса» в данном выпуске журнала).

Экосоциологи объединяются и в Европе, и по всему миру. В ООН работает специальная комиссия по проблемам изменения климата и его социально-экономических последствий. Глобальная экономика, включая российскую, становится экологозависимой. В Министерстве природных ресурсов формируется новый общественный совет по экологии, а по всей стране таких советов десятки, если не сотни. Интернет полон сообщений о протестных акциях в защиту природы по всей стране. Премьер-министр В. В. Путин счёл необходимым личным примером привлечь внимание к проблеме сохранения российской природы. Но вот в очередной раз весьма уважаемое общероссийское собрание социологов – Сорокинские чтения, причём на этот раз ориентированное на регионы, – исключило социально-экологическую проблематику из списка секционных заседаний. В ведущем – Международном независимом эколого-политологическом университете (МНЭПУ) нет специальности «социальная экология». Нет её и в реестре ведущих социологических институтов. Почему?

Прежде всего, по институциональным, проще говоря, бюрократическим основаниям: нет такой специальности в реестре Высшей аттестационной комиссии, значит, нет студентов и аспирантов, нет стабильных курсов – бывают только спецкурсы, нет в программах крупных российских социологических съездов и конференций сессий или секций по экосоциологии (исключение – Российское общество социологов) и т. д. Проблема есть и становится все острее, а её дисциплинарной и институциональной организации нет! Поэтому её и нет в перечне специальностей, по которым можно получить грант, выехать на конференцию за границу, предоставить работу на государственную или иную премию. Всякий раз

экосоциальную проблематику надо прятать в карман какой-то другой дисциплины.

Актуальность темы сегодня

Почему именно сейчас социально-экологическая проблематика столь актуальна? Принцип «сначала экономика – потом экология» исчерпал себя. Экономика всё более становится экологозависимой. Далее, не только экономические отношения, но и гуманитарные связи с нашим крупнейшим партнером – Объединенной Европой – зависят от уровня принятия и действительной реализации международных экологических стандартов, которые становятся год от года всё более высокими. Время – критический фактор. **Экологизация производства и культуры страны – дело длительное, дорогостоящее, и чем больше оно будет откладываться, тем дороже обойдется обществу.** Для экологизации нужны кадры и институции. Наконец, политическая реальность такова, что власть сегодня доверяет гораздо более учёным-естественникам, чем гуманитариям.

О междисциплинарности и институционализации

Взглянем на Запад. Там, в течение 1980-х гг. сложились environmental sociology, environmental politics, environmental history, environmental education и т. д. как самостоятельные отрасли знания со своими институтами, научными обществами, лабораториями, учебными курсами и, подчеркну, междисциплинарными «мостами». То есть была выстроена научно-организационная вертикаль и горизонталь: от министерств и ведомств до сети неправительственных организаций и волонтеров.

У нас же такой вертикали нет, а горизонталь слаба и вынуждена бороться за право на существование. То, что было создано усилиями русских и советских учёных, – научные общества и советы – в 1990-х гг. или резко сократили свою активность, или сошли практически на нет. Остро нужны соответствующие концепции, или, как их именуют социологи, «теории среднего уровня», с тем, чтобы можно было перейти к «полю», экспериментальной проверке «больших теорий» и экологических парадигм. Корни этого отставания – не только бюрократизм или консерватизм научного мышления. Они – в культуре. Учёные-естественники с недоверием относятся к социологам, а те не умеют интерпретировать их данные. Сейчас, когда в государстве и обществе идёт новая волна стандартизации (сертификации, спецификации), пересматривается перечень ВАКовских специальностей, очень важно, чтобы учёные страны вовремя отстаивали принцип междисциплинарности на самом высоком уровне. Это именно тот случай, когда этот методологический принцип должен быть легитимирован общественно-политически.

Что конкретно имеется в виду? В собственно научных исследованиях – проблемно-ориентированный подход. Цель – налаживание их взаимопонимания и практического взаимодействия. То есть перевод выводов одной науки на язык других. В идеале – общий язык; неважно, как он будет называться: экологическим или системным; важно, чтобы участники некоторого проекта понимали существенные взаимозависимости биосферных, экономических, геополитических, культурных и других процессов. Гуманитарии и естественники разгородились достаточно – пора объединяться, для чего необходим соответствующий институциональный формат. Междисциплинарные долгосрочные проекты должны стать

приоритетными. Методология и технология исследования должны работать на конечный результат, а не на удобство отчётности.

О фундаментальных проблемах экосоциологии

Какой принцип экосистемности мы закладываем в наши прогнозы и практическую политику? Сегодня в условиях глобальной конкуренции за ресурсы – речь идёт фактически о новом переделе жизненного пространства и природных ресурсов планеты [1, 2]. Или мировое сообщество выбирает мирную модель сосуществования, основанную на согласии и взаимопомощи, и тогда потребность в природных ресурсах для поддержания национальной безопасности снижается в разы, или мир сползает к модели «господство – подчинение», и тогда он неизбежно втягивается в бесконечные ресурсные войны, холодные и горячие. Так или иначе, о принципах глобальной социально-экологической организации учёным и политикам думать надо сейчас. По моему мнению, необходимо широкое общественное движение за «экосистемный мир»; и оно уже формируется; к сожалению, без участия социологов. Для тех, кто работает над этим вопросом, очевидно, что за первой моделью стоит принцип самосохранения, модель общества разумных потребностей, за второй – навязываемая нам Западом модель потребительского общества. Причём, как показали ипотечный и другие кризисы в США, лечить болезнь неограниченного потребительства можно только за счёт благополучия других стран и народов.

Весь мир вокруг нас изменился. В 1990-м г. среднеазиатские республики были национальными окраинами, а в течение последних 15 лет одни из них стали процветающими независимыми государствами, другие – источниками нестабильности, третьи –

генераторами рисков (наркотрафик, торговля людьми, контрабанда, нелегалы и т. п.). Если в середине 1990-х гг. геополитики говорили о «дуге нестабильности» вдоль южных границ РФ, то сегодня после событий на Украине и Кавказе, в государствах Прибалтики, в условиях нарастающей борьбы за ресурсы шельфов Ледовитого океана речь идёт уже о «кольце нестабильности». Причём, если мы пытаемся скрепить страну и привязать к нам соседние государства посредством «геополитики труб», то тем самым мы открываем пути для их проникновения внутрь страны, и чем дальше, тем глубже. Да, экономический обмен, товарооборот – важные инструменты сохранения мира, но о сохранении своей национальной идентичности (культурной аутентичности) тоже не стоит забывать. Причём, собственные границы экосистемы «Россия» должны играть роль зон взаимообогащающего межкультурного обмена, но пока что они в значительной части – просто «открытые ворота». Политики наращивают гигантские узлы многофункциональной активности, но общество знаний требует иной – сетевой и мелкодисперсной структуры его организации.

Собственные границы экосистемы «Россия» должны играть роль зон взаимообогащающего межкультурного обмена, но пока что они в значительной части – просто «открытые ворота».

О модернизации и её экологическом измерении

Модернизация – многослойный процесс, протекающий в разных средах. Сказанное выше выводит нас на совершенно новую теоретическую задачу: системной экологической модернизации. Социологическая мысль объединённой Европы уже давно напряжённо

работает над этим [см., например: 3]. У нас пока такая задача даже чётко не сформулирована.

В практическом плане это задача оптимального сочетания модернизации множества экосистем: экономических, социальных, культурных. Она осложняется тем, что каждая из них содержит, условно говоря, твёрдую, жидкую и газообразную субстанции. Компьютеры легко закупить, программное обеспечение и пользователей уже просто купить нельзя – их нужно создавать, обучать кадры и т. д. Наконец, «газообразное», т. е. виртуальное, пространство строится по своим законам. А если учесть, что всё это, с одной стороны, зависит от «пространства труб» и других энергетических сетей, а с другой – от наличия человеческих ресурсов определённой культуры и профессионального качества, то названная задача оптимизации ещё усложняется.

Названные выше процессы развиваются в трёх пространствах: биосферном, социотехническом и виртуальном. Типологически, основой первого является территориально закреплённый «ландшафт», обладающий некоторой совокупностью ресурсов и встроенный в биосферу Земли. Этот ландшафт имеет определённую конфигурацию, размеры и несущую способность или предел интенсивного использования, превышение которых превращает его из источника благ в источник рисков. «Ландшафт», особенно на местном уровне, требует бассейновой организации социально-экономических процессов. В течение веков такими главными ресурсами «ландшафта» были плодородная земля, леса и водные артерии. Сегодня таким ресурсом всё более становятся водные ресурсы и полезные ископаемые.

Типологически основой второго, социотехнического, пространства являются человеческие поселения, которые практически не имеют ни территориальных ограничений, ни пределов интенсивности их использования. Примером первого является строительство на польдерных землях в Голландии и Японии, а второго – Гонконг. Это – социально-экономически и технологически эффективный ландшафт, вмещающий столько финансовых, людских и иных ресурсов, сколько требуется для производства и транспортировки ресурса данного «места». Этот ландшафт практически независим от локальных условий, поскольку снабжается ресурсами извне и способен поставлять продукцию далеко за пределами данного локуса. Для модернизации российских регионов этот техногенный ландшафт абсолютно необходим, но создаёт риски для культуры и способов хозяйствования местных человеческих сообществ и поддерживающих их экосистем.

Третьим пространством является всемирная паутина информации и производства знаний как ресурса будущего. Она практически делокализована, хотя имеет пространственно фиксированные «точки опоры». Это – ведущая в мире «отрасль» производства, детерминирующая развитие двух предыдущих. Она также структурирована, имеет свои узлы и сети, свою плотность жизни, но в отличие от первых двух она фиксирована территориально лишь в нескольких точках, причём эти точки легко «отрываются» от земной привязки. Назовём его сетевым или виртуальным поточным пространством.

Необходимо сконцентрировать наши научные и общественные силы, чтобы сделать предстоящую модернизацию более экологически ориентированной. В 1990-е гг. Россия резко «открылась» всему миру,

и мы потеряли гигантские природные, социальные и культурные ресурсы и ценности, уровень внутренней организации общества резко упал. Без восстановления внутренней экосистемности, без восстановления «мембранного» типа баланса страны с окружающим миром (пропускать внутрь социального организма только то, что укрепляет его устойчивость и эффективность) мы не сможем перейти к построению «общества знаний».

В нашем обществе сейчас переизбыток информации, созданный, прежде всего, Интернетом и СМИ, а знаний и ресурсов, необходимых для сбережения природы на новом этапе модернизации, не хватает. Российские научные школы, семинары, незримые коллективы – эти ключевые ядра экосистемной организации общества знаний – стареют и исчезают на глазах. Раз уж речь зашла о терминологии, скажу ещё об одном привычном для слуха термине – «устойчивом развитии». Во-первых, развитие всего живого, как показал ещё К. Бэр, сопряжено именно с его неустойчивостью, т. е. способностью изменяться, эволюционировать. Во-вторых, развитие не бывает линейным – оно всегда сопровождается кризисами и бифуркациями. Так что не стоит политический лозунг превращать в основополагающий научный принцип и цель развития общества.

О понятиях «центр» и «периферия»

В обществе знаний эти слова теряют прежний смысл. Преобразование СССР в Россию уже превратило значительную часть так называемой глубинки во фронтир [4]. Это эмпирический факт. Не только малые коренные народы Сибири, Севера и Дальнего Востока, но и все национальные меньшинства, независимо от их компактного или дисперсного проживания, тоже больше не хотят быть

«периферией». Появились новые системообразующие силы – корпорации, некоммерческие организации, малый бизнес. Но главное в том, что виртуальная экосистема в принципе экстерриториальна! Но это лишь одна сторона медали.

Если большие города окончательно высосут из малых городов и посёлков, из особо охраняемых природных территорий (ООПТ) и других «периферийных» ячеек молодежь, то страна просто резко сменит тип своей экосоциальной организации. Тогда на смену отношения «человек – Земля», где человек – это прикрепленный к земле земледелец, хранитель природы, т. е. хозяин, придёт отношение «кочевник – ресурс», т. е. наёмный работник, добывающий вахтовым способом конкретный природный ресурс и никак не связанный с природой и культурой данного места. К тому же потеряем значительную часть своего культурного и биологического разнообразия. Вот тут устойчивость страны резко пошатнётся. Удержание территории и сохранение местных человеческих сообществ, наращивание их интеллектуального капитала и сохранение локальных экосистем (биоценозов) – вещи взаимосвязанные.

Это нас выводит на совершенно новую теоретическую задачу – системной экологической модернизации, то есть всего вместе – производства и его инфраструктуры, управления, человеческого сознания и поведения. Весь научный и политический мир напряжённо работает над этим. У нас пока такая задача даже чётко не сформулирована.

Продвижение социально-экологического знания в практику

В российскую практику оно продвинуто пока недостаточно, хотя определённые успехи есть, например, в методах добровольной

сертификации, в создании кодекса новых строительных норм и правил. Однако, начиная с 2000-х гг. были ликвидированы Государственный комитет по экологии и Государственная лесная служба, надзорные функции которых были переданы Министерству природных ресурсов; отменена обязательная государственная экологическая экспертиза; новый пакет законов, в частности новые Градостроительный, Лесной и Водный кодексы, обеспечивают теперь преимущественное право пользования этими ресурсами государственным и частным собственникам; на общественных слушаниях на местах право голоса местной общественности ограничено процедурно и фактически. Но даже это урезанное природоохранное законодательство систематически нарушается индивидуальными и корпоративными собственниками. Поскольку контроль над прессой и телевидением усилен, локальные и национальные дебаты переместились в интернет.

Бизнес и власть озабочены созданием своих, корпоративных, сообществ, бизнес скупает лучшие (с точки зрения поддержания природного равновесия и удовлетворения потребностей населения в рекреации) территории, не гнушаясь и особо охраняемыми природными территориями. Политически ангажированная наука им в этом помогает. А академическая наука должна заботиться, прежде всего, об общем благе: человечество и биосфера неразделимы. Ещё раз подчеркну: в обществе знаний вертикаль власти без сети местных – профессиональных и иных – сообществ не работает.

Что касается продвижения на Запад, то коллеги-социологи не упустят случая поехать за границу на конференцию или симпозиум, но заниматься систематическим продвижением успехов российской науки на Запад не торопятся. Что, к великому сожалению, видно по

нашим публикациям: 99% из них публикуется здесь, на русском языке. А почему, собственно говоря? Разве продвижение российского социологического знания на Запад и Восток не есть часть задачи консолидации Русского мира? Чем сейчас озабочены и власть, и общественность?

О публичности социально-экологического знания

Прежде, чем научное знание превращать в публичное, популяризировать его, надо критически осмыслить, где и как это знание производится. Мы продолжаем придерживаться старой просвещенческой парадигмы: профессионалы несут «свет знаний» простому народу. Во-первых, экологическое видение миропорядка необходимо не только ему, но всем – власти, бизнесу, военным, священнослужителям. Но прежде всего – молодежи. Благодаря интернету она сегодня лучше знает весь мир, но не Россию. Это – культурная катастрофа. Здесь я явлюсь приверженцем краеведения, пропаганды местной (региональной) истории и культуры. Никто о крайней нужде в этом знании и чувстве «места» не сказал лучше, чем А. И. Солженицын.

Благодаря интернету молодежь сегодня лучше знает весь мир, но не Россию. Это – культурная катастрофа.

Но не менее важно, что у людей, живущих на огромных просторах нашей страны с её гигантскими природно-климатическими различиями и культурным разнообразием, есть собственная точка зрения. В выработке таких экологических приоритетов «снизу» участвуют не только многовековая традиция, но и школы, и университеты. Именно профессура и преподаватели «идут в народ».

Так что нам необходимы не только «просвещение», но, прежде всего, общественный диалог и гражданское участие в сохранении природы, чем, несмотря ни на какие препятствия, вот уже более ста лет занималась и занимается русская интеллигенция.

Нам необходимы не только «просвещение», но, прежде всего, общественный диалог и гражданское участие в сохранении природы, чем, несмотря ни на какие препятствия, вот уже более ста лет занималась и занимается русская интеллигенция.

Сумма неотложных мер

1. Инвентаризация социально-экологических исследований. Следует подвести итог проделанному (особенно в регионах России), выявить критические точки отставания в собственно научной, образовательной и пропагандистской сферах по сравнению с мировым уровнем.

2. Преодоление комплекса «столичности» науки. Реальный сдвиг в развитии данной дисциплины возможен только при равноправном, партнёрском диалоге всех социальных сил, заинтересованных в экологизации страны. Термин «провинция» должен быть исключён из социально-политического дискурса.

3. Комплексное междисциплинарное и межсекторальное изучение среднесрочных (до 2012 г.) и долгосрочных перспектив (на 50 лет) экомодернизации в трёх пространствах – природном, техногенном и виртуальном – в их связи с глобальными геополитическими трендами.

4. Разработка соответствующего правового и управленческого инструментария для практической реализации результатов

обозначенных выше исследований в условиях перехода к информационному обществу.

5. Продвижение результатов социально-экологических исследований российских учёных на Запад и Восток, прежде всего в англоязычную научную литературу и интернет-издания. Изыскание финансовых и интеллектуальных ресурсов для пропаганды этих знаний за рубежом.

6. Коррекция системы образования: введение социальной экологии в перечень основных научных дисциплин (список ВАКа), разработка модельных курсов для региональных кустовых университетов, поддержка всех видов общественных образовательных инициатив на местах.

7. Проведение серии научных семинаров по теме, создание постоянной публичной площадки для дискуссии по обозначенным выше вопросам (форума в интернете);

(8) создание при Президиуме РАН координационного совета по развитию социально-экологических исследований в стране.

Библиографический список

1. Яницкий О. Н. Экологическое мышление эпохи «великого передела». М.: РОССПЭН, 2008.

2. Яницкий О. Н. Из выступления на Пленуме Общественной палаты РФ 24 мая 2008 г.

3. Mol, A.P.J.; Sonnenfeld, D. Ecological Modernization Around the World: An Introduction // Ecological Modernization Around the World: Perspectives and Critical Debates. A. Mol and D. Sonnenfeld, eds. London: Frank Cass., 2000.

4. Глазычев В. Л. Глубинная Россия: 2000–2002. М.: Новое
Издательство, 2003.